
Перевод Т. Щепкиной-Куперник

Ричард Бринсли Шеридан. Драматические произведения.

М., Государственное издательство "Искусство", 1956

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА { * }

{ * Перевод Ю. Кагарлицкого. }

На предисловие к пьесе, с успехом поставленной в театре; обычно смотрят как на что-то вроде немого пролога, с помощью которого автор, уже заручившийся симпатиями зрителя, пытается снискать себе расположение читателя. Но поскольку прямое и главное назначение пьесы состоит в том, чтобы в живом исполнении удовлетворить разнохарактерного зрителя, чей приговор, по крайней мере в театре, не подлежит обжалованию, то, как правило, ее успех или неуспех предрешен задолго до того, как она выносится на суд холодного разума. Поэтому всякое дальнейшее ходатайство автора перед публикой в лучшем случае излишне, в худшем же заставляет усомниться в его скромности, ибо если пьеса на сцене провалилась, то боюсь, как бы обращение автора к читателю, подобно призыву к потомкам, не оказалось чем-то вроде просьбы истца об отсрочке судебного разбирательства, когда он сам сознает всю необоснованность своего иска. Подобные соображения заставили бы меня, отдавая пьесу на суд читателя, ограничиться прологом, который предшествовал ей на сцене, когда бы она своим успехом не была обязана обстоятельствам, столь необычным для театра, как это известно автору, что о них нельзя умолчать.

Вряд ли нужно долго объяснять, что я имею в виду: пьеса была снята с репертуара для кое-каких переделок сразу же после первого представления, на котором обнаружили ее недостатки - слишком явные, чтобы избежать порицания, и слишком многочисленные, чтобы можно было их наспех устранить.

Кажется, нет писателя, который, полностью сознавая свою вину, не желал бы все же найти ей оправдание; и пусть даже его вещь не более, как простой пустячок, - он, признавая ее недостатки, непременно постарается объяснить их причинами, наименее унижительными для своего авторского достоинства. Что касается меня, то я могу, не опасаясь быть заподозренным ни в особой скромности, ни в чрезмерной откровенности, сослаться на свою полную неискушенность в предмете, знатоком которого трудно считать себя человеку, не располагающему ни опытом, приобретаемым практикой, ни поощрением, которое дается успехом.

Мне могут возразить, что без этих данных нечего и браться за пьесу, но я позволю себе не согласиться с таким мнением, ибо уже с первых шагов на этом поприще убедился в справедливости и непредвзятости суждений беспристрастного зрителя, в его умении отличать ошибки по неопытности от ошибок по недостатку таланта, а также в его снисходительности к автору, который выказывает готовность преодолеть недостатки как первого, так и второго рода.

Я не стал бы перечислять упреки, раздававшиеся по адресу моей пьесы, если б один из них не касался и руководителей театра, которым пеняли, зачем они еще до того, как пьеса была впервые показана зрителю, не постарались устранить ее недостатки, а в особенности неслыханные длинноты, коими изобилвала премьера. Не опровергнуть подобное незаслуженное обвинение, когда его предъявляют тем, с чьей стороны я встретил самый радушный и снисходительный прием, значило бы воздать злом за добро. Ссылка на недостаток времени давно уже не считается оправданием для писателя, и тем не менее, когда речь идет о театре, трудно осудить торопливость, с какой порою автор и дирекция, действуя в интересах публики, стремятся заполнить брешь в репертуаре. Сезон давно уже начался, когда я впервые вручил свою пьесу мистеру Гаррису; в то время она была по крайней мере в два раза длиннее любой комедии, идущей на сцене. Я принял ее сокращать пьесу, опираясь на его знания и опыт, пока мистер Гаррис, щадя самолюбие молодого автора, не поступился ради этого своими собственными взглядами. И если он оставил в пьесе некоторые длинноты, то лишь потому, что от многих помог избавиться. Правда, мне говорили, что действия остались непомерно затянутыми, но я тешил